30. „Мужикъ и злая баба“.

1. Былъ голо̀дной годъ. Мужикъ съ бабой были лѣнивы работа́ть. Мужикъ бабѣ говоритъ: „Баба, надо вѣдь работа́ть! хлѣба у насъ не посѣяно; чево́ же будемъ мы то̀гда *исьо* зимой?“—Баба говоритъ: „мужикъ, ты умрёшь, а я взá-мужъ выйду!“ (Она розсудила легко).

Такъ онѣ лѣто кое-какъ и протянули. И зима пришла; у ихъ не дровъ, не хлѣба. На работу идти мужику—одѣя́нія нѣтъ. Баба мужику и говоритъ: „Мужикъ, да *айда* воровать!“—„Куды́, баба, воровать?“—„Да въ лавку, гдѣ торгуютъ мукой“.—Мужикъ говоритъ: „дура-баба, вѣдь знаютъ люди, што мы ѣдимъ аржано́е: какъ мы будемъ *исьо* крупчатку? вѣдь люди увидятъ!“ — „Ой, мужикъ, да я испеку хуже аржано́ва!“

2. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Пошолъ къ крупчатной лавкѣ; въ лавкѣ народу мно̀го: хто берётъ пудъ, хто два, хто и полпуда; а мужикъ стоитъ у лавки съ мѣшкомъ съ простымъ. Другой мужичокъ купилъ два пуда муки-крупчатки, поставилъ её за лавку, самъ пошолъ разсчитыватца. Этотъ мужикъ мѣшокъ на плечо́, въ толпѣ народа и ушолъ.

Приходитъ домой. — „Баба, говори: слава Бо̀гу! укралъ муки! только—крупчатки!“—Баба бѣгатъ бѣго̀мъ, ставитъ ква̀шню скоря́е. Мужикъ бабѣ говоритъ: „баба, крупчатка-та вѣдь вы́ходная (съ припёкомъ), не какъ аржаная!“

3. Баба са́дитъ *мя́жки* въ печь. Мужикъ говоритъ: „баба, сошшитай, сколько мя́хкихъ“.—Она мужику говоритъ: „мужикъ, семь!“—„Ну, да, баба, поскоря́е: жрать охота!“—Баба открываетъ печь и говоритъ мужику: „мужикъ!“ — „Што́, баба?“ — „Я садила семь, а вы́ташшыла шесь!“ — „Пошто́ шесь?“—„Не могу знать; а мяхкова нѣтъ!“

Мужикъ заглянулъ самъ въ печь: „Правду ты, баба сказала, што испеку хуже аржано́ва!.. Вотъ ты, дура, не знашь, это у тебя отчево случилось!“ — „А отчево, мужикъ?“ — „Заднимъ-то стало жарко, онѣ и давай перескакивать черезъ этотъ мя́хкой; да не могли перескочить, да приступа́ли на нево́ (онъ маленькой этакой сдѣлался)“.

4. Мужикъ на это разсердился. Давай бабу волочить за́ волосы: „не порти добро!“ — А мужикъ съ-изъ дѣтства не

любѣлъ, — ево ребятишки дразнили: „вшúвикъ“. Онъ это бабу билъ, билъ, билъ, она одно́ дразнитъ: „вшивикъ!“— Онъ её добилъ, што ужъ она говорить не стала; запиналъ иё подъ лавку, што́бы тамъ она лежала. Баба подъ лавкой лежитъ, а своё зло всё творитъ; мужикъ на бабу глядитъ: баба ничё́ не говоритъ, а но́хтемъ давитъ на полу (всё-таки, дескать, вшивикъ!).

5. Мужикъ думатъ: „што́ мнѣ съ ней теперь дѣлать? Дай я её утоплю́!“ — У ихъ на огоро́дѣ, на задахъ, была рѣчка; на рѣчкѣ былъ перехо́дъ изъ трёхъ жердей. Мужикъ пошолъ,—покамѣстъ эта баба хворатъ, — подрубилъ слегка жеръди снизу. Приходитъ домой: „баба, будетъ хворать! время работа́ть!“—„Да чево работа́ть-то?“ — „Пойдёмъ, хоть дровъ нарубимъ!“—Баба пошла, не супо́рствуетъ.

Мужикъ бабѣ говоритъ: „баба, не ходи впередъ!“—„На то зло пойду!“ (Она *поперёшна* была). — Баба пошла по переходу, мужикъ ей говоритъ: „баба, иди, да не трясись!“ — „А на то зло́ потрясусь!“ — Доходитъ до рубленова переходу; мужикъ говоритъ: „баба, не трясись!“ — „На то зло потрясусь!“

Переходъ изломался; баба упала въ рѣчку и утонула.

---

31. „Стрехулетъ“.

1. Въ одно прекрасное время по городу бѣжитъ оборванной *стрехуле́тъ*. Разъ ево видитъ съ балкону бога́той дворянинъ. А у стрехуле́та въ рукѣ дудка. Богатой спрашиваетъ ево: „куды бѣжишь, стрехулетъ?“—„Людей надувать“. — „Ну-ко, меня наду́й!“ — „Я бы тебя надулъ, дакъ товаришъ впередѣ“.—„А развѣ одному нельзя?“—„Нельзя“.— „Дакъ ты догони́ ево!“ — „Дакъ вѣдь я бы ево догна́лъ, — я пѣшой!“—„Кучеръ, дай ему лошадь верхо́вую!“—Кучеръ далъ ему лошадь.

2. Стрехуле́тъ сялъ веръхо́мъ; попи́нывать ногами ло́шедь, а она нейдётъ. (А онъ самъ руками её поддя́рживать, штобы она не шла).—„Ишь, баринъ, у васъ лошади свышны пара́ми!“—„Кучеръ, дай ему другую! онѣ скоря́е пріѣдутъ: одинъ на ту сядётъ, другой—на другу́ю“.— Кучеръ далъ ему другую, онъ и уѣхалъ.